

"Рога и копыта (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

ПРОЛОГ

В долине оборотней праздник. Сегодня, в первый день осени, в праздник бога Керноса, давали имена юным оборотням, достигшим двенадцати лет от роду. И они, с благословения богов, получали свое животное воплощение. В этот день все население долины собиралось на храмовой поляне, чтобы отпраздновать первое совершеннолетие своих детей.

Сегодня был удачный день. Кернос благословил долину тремя лисятами и волчатами, одним медвежонком, двумя лесными кошками и, что крайне редко случалось, одним вепрем. Перед жрецом Керноса остался последний мальчик с волосами цвета темной соломы и карими, очень выразительными глазами. Жрец подбадривающее кивнул малышу, и тот, приняв из рук мужчины ритуальный кинжал, подошел к статуе бога. Кернос был изображен сидящим на корточках мужчиной с волчьей головой. Он протягивал вперед руку с раскрытой вверх ладонью. Мальчик без колебаний провел по своей ладонке кинжалом и, когда показалась кровь, вложил свою руку в раскрытую ладонь бога. В следующую секунду ребенка окутало яркое сияние, а когда оно рассеялось, вместо мальчика на ритуальном месте стояло животное.

По храмовой площади прокатилось многоголосое аханье. Мать мальчика вскрикнула и отшатнулась, закрывая руками лицо. Старый жрец шагнул вперед, положил одну руку на голову юного оборотня, а другую поднял вверх, призывая к тишине.

- Великий Кернос предначертал для сына нашего народа особую дорогу. Потому он и получил особый образ. Отныне я беру его под свое покровительство и обучу всему, что он должен будет знать, до того, как долг призовет его. Именем Керноса нарекаю имя ему – Кармин.

Как только жрец закончил свою речь, оборотни начали покидать храмовую поляну. Родители мальчика ушли молча, не оглядываясь. Сегодня не будет великого пира в честь новых членов стаи, как каждый год. Новых оборотней будут чествовать в кругу родных, а в доме последнего мальчишки зажгут поминальную свечу. Никогда оборотни не примут его в свою стаю. Никогда еще в стае оборотней не рождалось такое.

Маленький оборотень рванул было за своими родителями, но жрец остановил его.

- Нет, малыш. Теперь у тебя своя дорога, а у них своя. Тебе придется учиться жить по-новому. Пойдем, Кармин, я покажу твою новую комнату. И не стесняйся своих слез, малыш. Ты сегодня родился заново, это больно, и плакать сегодня совсем не стыдно.

Глава 1

Восемь лет спустя. Окрестности города Лаяра у Облачного Перевала.

Рассвет. Я стоял на козырьке скалы, нависшей над моим домом, и смотрел на долину, озаренную первыми лучами солнца. Долина Лаяра. Прекрасная зеленая долина у подножья гор. Небольшой городок, именем которого называли долину, несколько ферм, на которых выращивали преимущественно тонкорунных овец, изделиями из шерсти которых и славилось это место. И Элларские горы – охватившие долину полукругом. Все это великолепие радовало мой взор уже два года. Именно столько я живу здесь. Ровно два года назад я пришел сюда в надежде обрести покой и затеряться среди скал, когда мне захочется побегать, дав волю своему зверю. Живу я в маленькой хижине на склоне горы и зарабатываю на кусок хлеба, собирая травы. Местные знахари и аптекари не сильно много платят, но мне хватает. Кроме того, иногда поступают особые заказы, ведь я могу принести за пару дней то, что другие будут искать годами.

Местные сначала пытались пообщаться, узнать обо мне как можно больше. Но постепенно отстали, убедившись, что я нелюдим. Единственного человека, которого я хотел бы видеть своим другом, зовут матушка Талула. Она сама велела так себя называть, когда я впервые пришел, чтобы купить у нее молока. Ее ферма находится посередине между моим домом и городом, и я, проходя мимо в первый раз и уловив аромат парного молока, завернул к ней узнать, нельзя ли купить небольшой кувшинчик моего любимого лакомства. Молоко – это божественный напиток. А такого молока, как здесь, нет нигде в мире. Матушка Талула жила с сыном, парнем примерно моего возраста, и двумя смешливыми девушками, помогающими по хозяйству. Она была уже не молода, но очень общительна и так заражала своим жизнелюбием, что от нее я всегда уходил в приподнятом настроении. Но даже с ней я старался не сближаться особо. Я не хотел выдать свою тайну. Никто не должен был знать, что я не человек. Я оборотень. Да, самый настоящий оборотень. Только вот с животным мне не повезло. Жрец Керноса, взявший меня на воспитание, утверждал, что все в этом мире происходит не просто так, для всего есть смысл, и я не исключение. Но мне в это слабо верилось, не мог я постичь божественных замыслов. И очень жаль, что боги не удосужились меня спросить, хочу ли я такой судьбы – быть вечным изгоем. Среди людей меня не примут, ибо я оборотень. А среди оборотней, хищников живущих стаей, никогда не найдется места козлу.

Именно козлу, я не ошибся. Нет, конечно, не тому козлу, которого можно встретить в любой деревне, на огороде. Я – миэлон. Зверь с длинной шерстью, загнутыми массивными рогами, ростом чуть меньше лошади, живущий высоко в горах, и все равно – это КОЗЕЛ!

Именно мой зверь и стал причиной того, что я поселился в этой долине. Миэлоны встречались здесь нередко. И если меня кто-то увидит, то примет за обычного зверя. Тут главное не нарваться на охотника, но, слава Керносу мне хоть в чем-то везло.

Пока я предавался воспоминаниям, солнце окончательно поднялось, и я, тряхнув рогатой головой, вспомнил, что собственно меня выгнало в такую рань из дома. «Слезы Лиэли» – так называются первоцветы, из которых готовится отвар от кашля. Сейчас, когда снег в горах только начал таять, как раз пришла пора рвать цветы. А самое лучшее место для этого – водопад. Снег там еще лежал, и человеку было бы трудно удержаться на скользких горных склонах, но миэлон был рожден для этого. На груди у меня болталась собственноручно сплетенная корзина, в которую мой зверь мог складывать сорванные головки цветов. Как говорится, «голь на выдумки хитра», вот я и расстарался.

У водопада я оказался ближе к полудню. Пройдет еще пара недель и тихий сейчас ручеек, падающий вниз с пятиметровой высоты, превратится в ревущее чудовище, несущее растаявший горный снег в долину. Я вышел на скалу, с которой вода срывалась вниз, и втянул в себя воздух, приюхиваясь. Запах. В воздухе отчетливо ощущался запах медведя, человека, крови и еще чего-то странного. Медвежий запах был старый, словно зверь был здесь вчера, но горные медведи еще не должны были выйти из спячки, рано. Значит, зверь либо болен, либо его разбудил кто-то или что-то. В любом случае зверь голоден, зол и очень опасен. А человек... Я оглядел подножье водопада и увидел его. Мужчина лежал у воды лицом вниз. Пока я раздумывал что делать, он зашевелился и застонал.

«Живой, уже хорошо, видимо, поскользнулся и упал, кровью пахнет именно от него. Может, он уберется отсюда сам, а то собирающий цветочки козел будет выглядеть очень необычно, а, значит, подозрительно», – размышлял я.

Мужчина тем временем приподнялся и, проделав путь в пару шагов, на четвереньках принялся умывать лицо ледяной водой, видимо, смывая кровь. Ветер вновь донес до меня его запах. Пахло чем-то еще. Такой странный запах, явно где-то мной уже слышанный, но такой

позабытый и в то же время какой-то влекущий. Если бы к нему не примешивался запах крови, пугающий моего зверя, я, наверное, спустился бы ближе, чтобы понять, чем это так пахнет. Какое-то тревожное воспоминание связано с этим ароматом, но какое? Я никак не мог вспомнить.

Ветер снова дохнул, на меня на этот раз, принеся с собой свежий запах зверя. Медведь явно находился поблизости. И если он учуял кровь, то с минуты на минуту он будет здесь.

Мужчина снял меховую куртку и, усевшись на камень, принялся ощупывать левое плечо. Предупредить его об опасности, не выдав себя, было невозможно.

«Ну вот, досиделся», - из-за камней показался тощий медведь, пришедший сюда явно подкрепиться. Человек его пока не видел и продолжал заниматься своим плечом, а зверь подходил все ближе к своей жертве. И тогда я решился. Закричать: «Сзади!» - я, конечно, не смогу, но...

- Ми-и-эло-о-о-о! - крик миэлона, за который они собственно и получили свое название, заметался в скалах, отражаясь множественным эхом.

Медведь решивший, что добыча может ускользнуть, поднялся на задние лапы и заревел. Человек, перекатившись через здоровое плечо, встал в защитную позу, держа в руке нож.

Схватка была короткая. Обезумевший от голода зверь кинулся на человека без каких-либо уловок и получил кинжал в грудь. Ловко увернувшийся от падающей туши мужчина мог по праву носить знак «мастер-охотник». Убить медведя одним кинжалом не каждому по силам. Тем временем мужчина, пару раз пнув тушу зверя, чтобы убедиться в его смерти, полез за пазуху и вынул какой-то предмет, висевший у него на шее на шнурке. Он перевернул медведя и, вынув кинжал, поднес этот предмет к ране зверя, смочив его в крови. Подождал пару секунд, а затем убрал его обратно за пазуху, после чего поднял голову и посмотрел на меня.

В ту же секунду я отпрянул от края скалы и со всех ног бросился наутек, потому что, наконец, вспомнил то, что не давало мне покоя все это время. Так пах только один эликсир - «Сумеречная кровь». Люди его не ощущали, у истинных животных он вызывал ярость и агрессию или панический страх, а для оборотней он был словно валерьяна для кошек. Обратни от него просто дурели, и именно для этого его и использовали, для выманивания оборотней. Секрет его изготовления и использования знали только Охотники на Нечисть. Тот амулет, который охотник макал в кровь зверя, тоже был их обычным атрибутом, иначе нельзя было отличить истинного зверя от звериного образа оборотня. При контакте с кровью оборотня амулет начинал светиться. В людском же виде охотники нас чуяли и так с расстояния до 500 метров, в зависимости от сил самого охотника.

Я бежал и думал о том, что два года спокойной жизни кончились. В долине появился Охотник на Нечисть, и мне придется убираться отсюда как можно быстрее.

Дома я немного успокоился. Очень уж не хотелось срываться с насиженного места. Оборотня в звере охотник никак не мог почуять, а значит, я пока в безопасности. Пересажу в звериной шкуре несколько дней. Сено у меня припасено на случай голода. Оно, конечно, не такое вкусное, как хлеб, но своя шкура дороже. Благо, в отличие от своих братьев, я мог оставаться зверем как угодно долго, тогда как обычный оборотень больше трех суток не выдерживал, быстро слабел и мог даже погибнуть от истощения.

Бежать или остаться? Остаться или бежать? Были бы руки, подбросил бы монетку для решения, а так... мучаюсь вот.

К дому подлетела стайка птиц и зачирикала, предвещая тепло. Солнце клонилось за горы. Скоро стемнеет, а бегать в темноте по горам даже для миэлона опасно. Решено. Остаюсь. И будь, что будет.

Глава 2

С происшествия у водопада прошло пять дней. Пять спокойных дней. Я решил рискнуть, а виной всему моя пагубная страсть к молоку. К ферме матушки Талулы я подошел в зверином облике перед рассветом. Обошел все вокруг и, убедившись, что все как обычно, обернулся в человека в маленьком овражке. Здесь в дупле дерева на всякий случай у меня припрятана одежда. Только меховую куртку пришлось тащить в зубах, лето еще не близко, а полураздетый парень привлечет к себе ненужное внимание. В куртку был завернут пустой кувшинчик для моего лакомства. Котомка для него была в кармане куртки. Обрато придется добираться в две ходки. За один раз куртку и котомку я просто не донесу в зубах. Правду говорят люди: «Дурная голова – ногам покоя не дает!» - это про меня.

Напротив входа в коровник, под деревьями лежало старое бревно, на него я и уселся, собираясь подождать, когда закончится утренняя дойка. Судя по смеху двух хохотушек-служанок и матушки Талулы, осталось недолго.

Ага, так и знал. Коровы начали выходить из ворот. На лугах выбивалась первая травка, и позевывающий сын хозяйки сейчас погонит их на пастбище.

Я дождался, когда все стихнет, и пошел к дому.

- Кармин, мальчик! Как хорошо, что ты пришел. Проходи в дом, позавтракай с нами. Кевин сейчас вернется с пастбища, и поедем все вместе.

- Спасибо матушка Талула. Я уже поел. Заскочил к вам на минутку по пути в город, за вашим чудным молоком.

- Конечно, зачем еще такой молодой и хорошенький мальчик может заглянуть к старой развалине вроде меня.

- Ну что вы, матушка Талула. Какая же вы старая. Глядя на Вас и вашего сына, никто не посмеет заподозрить в Вас его мать. Максимум брат и сестра.

- Лъстец. Маленький лгунишка и лъстец. Так бы и оттаскала за уши, но я прощу тебя, если поможешь моему сыну.

- Кевину нужна помощь?

- Нет, старшенькому моему. Ах, да ты ж не знаешь. У меня есть старший сын – Дамиан. Он редко бывает дома. Все в разъездах, в дороге. Заскочит на денек, узнать как дела, даже на ночь не всегда остается. Такой он у меня непоседливый.

- И что ему за помощь понадобилась?

- Да травка одна, название я плохо помню, то ли зиминица, то ли синелица.

- Может зимерица, – я был обеспокоен этой просьбой. Травка эта в умелых руках превращалась в сильный яд. – А зачем ему?

- Разбил он флакон с каким-то снадобьем, теперь вот новое надо делать, да рано для травки еще, весна только в силу вступает. Вчера отправился в город местных знахарей спросить, не уступит ли кто, да там и заночевал. Дело-то молодое.

- Травку я такую знаю, но у меня ее нет. Извините. Последнюю еще в начале зимы старому Людвигу продал. Лекарь это, он у старой площади живет, и...

- Знаю-знаю. Он мой старый приятель и лекарь хороший. Зря денег не возьмет.

Пока мы разговаривали, Лара налила мне еще теплого молока и принесла кувшинчик. Я сразу отхлебнул, а матушка Талула рассмеялась.

- Как маленький, честное слово. Может, все же позавтракаешь с нами? Вон и Кевин показался.

- Спасибо, но я все же пойду.

- Пусть боги облегчат твою дорогу. Приходи к нам. Не забывай.

- Обязательно приду. Спасибо.

Попрощавшись, я направился по дороге в сторону города. Пошел немного и, скрывшись из вида, свернул в лес. Так, сделав круг, вернулся в свой овражек. Скинул одежду, спрятал ее на место и, обернувшись зверем, потащил свою драгоценную ношу домой.

Рассвет я встретил, почесывая бока о стену своего дома. Ой, как же чесалось все тело, вы себе не представляете. Мои дикие собратья трутся о скалы в период линьки, оставляя там клочки своей отмершей шерсти, а у оборотня шерсть так не выпадает, как у истинных животных. Нет у нас сезонной линьки, но все равно все чешется. Вчера, когда я бегал за молоком, зуда не было, а сегодня с утра я просто шкуру готов с себя содрать. Хорошо, домик крепкий, спасибо его строителю за бревенчатые стены, о них так удобно тереться.

Домик мой хоть и маленький, но вполне удобный, стоял на небольшой полянке, прислонившись задней стенкой к практически отвесной скале. А вокруг росли старые, можно даже сказать древние деревья. Сам дом состоял из одной комнаты и закрытого крыльца. Слева к дому сделана пристройка, этакий сарайчик, в котором, судя по слабому аромату, когда-то содержалась лошадь, а теперь в ней живет миэлон. Справа крытая поленница.

Вся мебель в комнате досталась мне от прежнего хозяина. Кровать, стол и пара колченогих табуреток. Когда я здесь объявился, в домике еще имелись котелок и сковородка с треснувшей ручкой, а также старая деревянная лохань для купания, как она не рассохлась, не знаю. Теперь я обзавелся хозяйством. На окне появилась синяя занавесочка, прибавилось посуды, постельное белье, салфетки, полотенца, веник, ведро для воды, сундук, в котором я храню свои вещи, и много всякой мелочевки. В полу под кроватью нашелся люк, ведущий вниз. Подпол оказался небольшим, стоять там можно было, только согнувшись, и в длину не больше двух метров. Там я упрятал лохань. В теплое время я ходил купаться на водопад, а зимой вещица эта оказалась очень полезной. Недалеко от дома бил родник, из которого я брал воду и для питья, и для купания, а если он замерзал, набрать снега и растопить в печке, было делом получаса.

Но самой полезной в этом доме оказалась маленькая дверца, настолько плотно пригнанная, что заметил я ее только через несколько месяцев после заселения. Она находилась сбоку за печкой и вела в конюшню. Дверка настолько маленькая, что пролезть в нее можно было только на четвереньках, но для скрытного проникновения из дома или в дом, она была просто незаменима.

Бока почесал, теперь спинку. Как-то видел, как медведь чесал спину, стоя у дерева. Он приседал, прислонившись к нему, как человек. Забавное зрелище. Жаль, я так не смогу. Тела копытных не предназначены для этого. Зато я могу повалиться на земле, подрыгивая ногами. О да, какое блаженство. А какой-то гад еще смеялся, ему бы так... Смеется?

Так быстро я еще никогда не вскакивал.

На краю полянки под старой сосной стоял мужчина лет около тридцати, смуглый и темноволосый. Меховая куртка на нем была расстегнута, видимо, из-за жары, и мне в глаза бросился маленький арбалет, висящий на его поясе. Ветер дул с другой стороны, и учуять его запах я не мог, но куртка... Куртка была подозрительно знакома. Я попятился назад, уговаривая себя не паниковать и вести себя, как обыкновенный, прирученный козел. Осталось только сообразить, как это обыкновенно, потому что из-за охватившего меня страха в голове не было ни одной здоровой мысли.

Глава 3

- Привет, козлик. А ты забавный, – с этими словами мужчина подошел ко мне. Теперь я смог определить по запаху, что это именно тот человек с водопада. – Не бойся, козлик. Тебе я ничего плохого не сделаю. Жаль, что ты говорить не умеешь. Мне бы хотелось пообщаться с твоим хозяином, но, судя по всему, его нет дома.

«Раз сказал «судя по всему», значит, он уже давно наблюдает за домом, а я его не учуял, пока он сам себя не выдал. Плохо. Очень, очень плохо». Я понял, что ошибся, когда решил не уходить из долины. Мой первый дом, мои первые самостоятельные покупки, все это заставило проснуться мою жадность. Очень уж не хотелось бросать все нажитое.

Охотник тем временем медленно подходил все ближе и уже начал протягивать вперед левую руку, раскрыв ладонь.

- Хороший козлик, славный мальчик. Не бойся, дай я тебя почешу.

Вот уж чего никак не ожидал, так это того, что охотник захочет подружиться со мной, в смысле с козлом. Я пятился от него, пытаюсь сообразить, что все это значит. Либо я раскрыт, и тогда охотник пытается подобраться поближе, готовя мне ловушку. Либо он не знает моей истинной сущности и тогда... тогда я в безопасности и можно продолжить «игру». Никогда еще не рождался оборотень - не хищник. Мог ли человек догадаться? Не знаю. Предположу, что нет. Опасно, но я рискну.

Я остановился, давая охотнику подойти поближе. Сердце в груди билось от страха, и я с трудом удерживал своего зверя от побега.

- Никогда не видел прирученного миэлона, – охотник медленно поднес руку к моей морде, давая возможность зверю обнюхать его, а потом медленно принялся поглаживать мне лоб чуть ниже рогов. – Какой красавец. Умница. Храбрый мальчик.

Движения охотника становились все увереннее. Вскоре он уже почесывал меня за ухом и под подбородком.

-М-м-м, – я сам от себя не ожидал, что начну постанывать от удовольствия. А руки мужчины уже поглаживают шею и грудь, потом перебрались на бока. А дальше я, просто обнаглев, начал подставлять особо зудящие места. Особенно чесалось около хвоста. Там почти у всех животных

самое недоступное место. Охотник смеялся и выполнял мои желания, повторяя при этом, какой я хороший и красивый. Я окончательно расслабился в его руках, млея от удовольствия. Наши головы были на одном уровне, и, расхрабрившись, я вскоре уже разглядывал охотника повнимательнее.

Красивое лицо с волевым подбородком и прямым носом, смуглая кожа, серо-голубые глаза, темные волосы, возле верхней губы слева чуть видный шрам, мозолистые, но ухоженные руки, и очень приятный травяной запах. В общем, человек создавал самое благоприятное впечатление. Никогда не догадался бы что это Охотник на Нечисть, если бы не видел его у водопада. Вот только глаза его, несмотря на смех, оставались холодными и настороженными. Разговаривая со мной, он постоянно осматривался по сторонам, явно сканируя пространство и выискивая опасность.

Позабавившись так несколько минут, охотник отступил на шаг.

- Если вы не возражаете, Ваша рогатость, я осмотрю жилище вашего хозяина, - охотник слегка поклонился мне, явно с издевкой, и пошел к дому, а я остался стоять, глядя ему вслед. Я же не собака, охранять добро хозяйское.

Ничего компрометирующего меня в доме не было, разве что на столе остался стоять кувшин с молоком. Я почти все допил еще вчера, но оставил три глотка себе сегодня на обед. А еще на столе лежали специальные ножницы для стрижки овец. Я приобрел их еще год назад, только придумать, как их применить, пока не удавалось. Держать их копытами не представлялось возможным, а руки у козлов не растут.

Мужчины не было довольно долго. Я уже успел и травку пощипать, и снова почесаться о стену, когда он, наконец, вышел. В руках он держал мои ножницы.

- Я вижу, хозяин хотел тебя подстричь, но куда-то делся. Может, я поработаю вместо него? Позволишь? - он пощелкал в воздухе лезвиями, приближаясь ко мне. - Я умею стричь овец, честное слово.

Сказать, что меня обрадовало его предложение - значит, ничего не сказать. Я, правда, помялся для виду, а он, достав из кармана куртки краюху хлеба с солью, протянул мне эту аппетитную взятку. Тут уж я отказать не смог.

Цирюльник мне попался очень аккуратный. Он освобождал меня от шерстяного груза и рассказывал историю ножниц для стрижки овец. Оказывается, их изобрел местный кузнец, лет сто назад. Он заметил, что ножом срезать шерсть быстрее, и создал этакий гибрид между ножом и ножницами, которым теперь повсеместно пользуются. Самого кузнеца давно нет в живых, и имени его никто не помнит, а вот его изобретение живет и служит на благо людям.

Стрижка продолжалась больше часа. Я смиренно стоял, пока шерсть снималась с груди, боков и спины, а вот когда мужчина перешел на внутреннюю сторону бедер, немного заволновался. Какому представителю мужского пола захочется быть оскопленным? Думается, никому. Мужчина правильно понял мои нервные подрагивания и прикрыл мои яички левой ладонью, пока правая медленно и аккуратно водила рядом острыми лезвиями ножниц. Я снова вздрогнул, только теперь не из-за переживаний по поводу моих яиц, а из-за возбуждения, которое прокатилось по моему телу от его руки там. Я не был девственником. Добрые служанки, готовые за серебрянку лечь в постель к мужчине, есть почти в любом трактире. Но такого прилива возбуждения я не испытывал никогда. Кажется, я даже застонал.

- А ты оказывается горячий козлик. Ничего. Потерпи немного. Еще пара минут, малыш, и я

закончу. Ну вот, видишь как хорошо. Только в горы, за козочками, пока ходить не рекомендую. Там ты себе все хозяйство теперь отморозишь, – он хлопнул меня по крупу и рассмеялся так заразительно, что если бы я был человеком, обязательно присоединился к нему. Во всем теле ощущалась такая легкость, были бы крылья, взлетел бы.

- Я, пожалуй, пойду, козлик. Пора, – он снова почесал мне лоб. – Шерсть я в доме оставлю. Передавай привет хозяину.

Я смотрел, как споро он скатал шерсть и унес в дом. Потом вышел и, махнув мне рукой на прощание, удалился. Я попытался пройти следом, но он словно растворился в лесу. Такого я от человека просто не ожидал. В любом случае, встретаться с ним в человеческом теле мне нельзя.

«Завтра на рассвете сбегаю в город, продам шерсть и затаюсь тут тихо, как мышка. Он же знает, что меня нет, значит, завтра это сделать будет вполне безопасно».

Если бы я знал, каким боком обернется мне эта авантюра, я бы сбежал из долины, бросив все.

Глава 4

Рассвет я встретил под стенами города. Ворота были настежь распахнуты. Стражники осматривали повозки, собирающиеся выезжать из города, и перешучивались с возницами. Я проскользнул мимо них, кивнув знакомым. Совсем забыл, что сегодня отправляется первый караван. Скоро весь город соберется у ворот, провожая их в дорогу, а значит, надо спешить, чтобы застать купца Биора, которому я хотел предложить шерсть. Жена Биора, одна из лучших кружевниц долины, могла заинтересоваться моей шерстью.

Биор оказался дома. Его слуга пропустил меня через магазин на второй этаж, в хозяйскую половину. Здесь почти все купцы живут над своими лавками. Очень удобно, на мой взгляд, жить там, где работаешь. Хозяин вышел ко мне уже одетый.

- Кармин. Какой темный бог принес тебя в мой дом, когда я уже ухожу?

- Бог торговли, уважаемый Биор. Вот, взгляните на шерсть, может, Вашей супруге приглянется для рукоделия, – я протянул ему весь моток, а он оторвал клочок и ушел в комнаты, бросив мне короткое: «Жди».

Как я приволок шерсть к городу – это долгая история. Полночи потратил. А если бы кто-нибудь увидел козла, волокущего меховую куртку с увязанной в ней шерстью, успокоительная настойка ему точно понадобилась бы, а то живот от смеха мог лопнуть.

Наконец, купец вернулся.

- Пять златиков и пять серебрянок, – без всяких предисловий предложил он.

- Сколько? – я никак не ожидал получить больше трех златиков.

- Ладно, семь златиков, – поморщился купец. – Но это последняя цена.

- Согласен. Спасибо, господин Биор.

Так быстро и выгодно пристроить свой товар я и не надеялся. По пути обратно к воротам я купил хлебную лепешку за медянку и с удовольствием прямо на ходу ее употребил по

назначению. Солнышко сегодня припекало почти по-летнему. Кругом были нарядно одетые люди, веселые, счастливые, спешащие к воротам. Я двигался в общей массе и радовался жизни. Деньги лежали в потайном кармане куртки, недоступные для воров. Все было просто замечательно, когда... Ветер донес до меня запах, который я теперь вспомню среди тысячи других. Запах Охотника. Он находился где-то впереди. Я выбрался из толпы и замер в тени у стены дома. Сердце бешено колотилось в груди.

«Что делать? Ворота в городе одни, и ОН явно где-то там. Выбраться через стену нереально, если ты не птица. Остаться в городе, значит, остаться в ловушке. Вывод: буду уходить через ворота, очень тихо и осторожно. Там большое скопление людей, если повезет, проскочу незаметно».

Я начал медленно продвигаться вперед.

Выглянув из-за угла последнего дома, я внимательно осмотрел открытое место у ворот и заметил моего преследователя. Он стоял недалеко от ворот спиной ко мне и разговаривал с одним из стражников. Пробраться мимо них незамеченным было невозможно.

«Кернос! Ты же мой покровитель, - взмолился я, - помоги выбраться, а то моя великая миссия так и останется непонятой и невыполненной».

Не знаю, молитва моя помогла, или судьба решила подарить мне еще один шанс, но сзади раздался шум повозки, явно опаздывающей к общему отправлению. Я не медлил. Перебежав, расталкивая народ, на другую сторону улицы, пристроился сбоку от проезжающей повозки так, чтобы она прикрывала меня от Охотника. Так я добрался до ворот. Там повозку остановили стражники, на предмет досмотра, а я, опустив глаза, прошел дальше в ворота. Сердце замирало от страха. Вот сейчас раздастся крик: «Лови», - и... Я с трудом заставлял себя идти спокойно, не сорваться на бег. Побежать, значит, привлечь к себе внимание.

«Спокойно. Спокойно и не торопись», - уговаривал я себя, пока не оказался под деревьями. Тут я припустил бегом к своему тайнику. Скинуть одежду и спрятать ее на место, в очередное дупло, превратиться в зверя и бежать отсюда подальше, не забыв прихватить куртку, не оглядываясь и максимально быстро, - это все, на что я был сейчас способен.

Большую часть пути я пробежал со скоростью, которой могли позавидовать беговые лошади. Когда город остался далеко позади, я начал понемногу успокаиваться и думать.

Охотник наверняка почувствовал, что я где-то рядом. Но в толпе определить мое местоположение он не смог. Теперь, когда я далеко, он знает, что я сбежал. Лошади у него с собой не было, значит, сразу в погоню он не пустится, да и направление он мог не определить. Уверенности, что парень, живущий в горах с козлом, является оборотнем, у него нет, иначе он давно устроил бы мне ловушку, а не следил бы за домом. Значит, у меня есть около часа времени, чтобы забрать деньги из дома и убраться из долины. Разозленный охотник за спиной - это смертельно опасно. Так что я, наконец, решил уйти из долины.

Обогнув ферму матушки Талулы я направлялся к своему жилищу, когда моего слуха достигли тихие всхлипывания. Кинув куртку на землю, я осторожно пошел на звук, пригнувшись, ведь это могла оказаться ловушка. Когда же ветер донес до меня запах человека, я понял, что мимо пройти не смогу. Аккуратно высунулся из кустов, чтобы убедиться, что нос меня не подвел, я увидел сидящую на поваленном дереве матушку Талулу. Женщина явно недавно плакала. Решив, что ей нужна помощь, но в животном виде я ничего сделать все равно не смогу, я вернулся немного назад. Подобрал брошенную вещь, нашел свой тайник-дупло и,

преобразившись, пошел к женщине.

- Матушка Талула. Что случилось? Нужна помощь?

- Кармин, что ты здесь делаешь?

- Гулял вот. Слышу, вроде плачет кто-то. Дай думаю, посмотрю, а тут Вы.

- У тебя добрая душа, Кармин, прямо как у моей доченьки - Милавы. Ты даже похож на нее немного. Глаза, нос, губы. Только волосы у нее были темные.

- А где она?

- В небесных чертогах Милава, вместе с отцом своим и женихом. Тогда только Дамиан выжил.

- Тогда?

- Я обязательно расскажу тебе все, сынок, только не сейчас. Помоги мне дойти до дома.

Я подал руку матушке Талуле, помог ей встать, и мы медленно пошли в сторону фермы. Она молчала всю дорогу, только вздыхала, вспоминая о своем горе. Уже возле крыльца навстречу выскочил Кевин и увел ее в дом, поблагодарив меня за то, что довел. А я направился в свой овражек, чтобы скинуть одежду.

Куртка и сапоги уже были на земле. Я распутывал завязки на штанах, когда сзади раздался какой-то вздох, а потом что-то с силой впечатало меня в ствол дерева так, что дыхание перехватило.

- Ну, вот ты и попался, маленькая тварь. Я знал, что мимо такой приманки, как деньги за шерсть с твоего козла, ты не пройдешь.

Глава 5

- Один неосторожный вздох, оборотень, и ты труп, - охотник явно не шутил. Бок мне прокололо что-то острое, и я почувствовал, как тонкая струйка крови потекла вниз. Это только в сказках людских оборотни мгновенно заживают раны, в жизни наша регенерация немногим лучше, чем у людей. - Тебе удалось ускользнуть от меня в городе, но теперь не уйдешь.

- Руки назад медленно и без резких движений, - последовала команда, которую я выполнил.

На моих запястьях щелкнули браслеты, и я почувствовал легкое жжение. Магические оковы, заговоренные специально на оборотней и блокирующие все наши способности по смене облика. Они пока только пекли, скоро жжение усилится, потом кожа покроется кровавыми ранами, а если такие браслеты оставить на оборотне на сутки, руки будут разъедены до костей. Об этом мне рассказывал когда-то мой учитель. Вот уж не думал испытать силу этих браслетов на себе.

- Теперь можно и поговорить, - охотник развернул меня лицом к себе и впился рукой мне в горло, сдавив его так, что я еле дышал. Когда я с ним встречался вчера, его глаза были холодные и настороженные, а сейчас в них горела такая люта я ненависть, на которую не способно ни одно животное. Я смотрел в эти глаза и понимал, что жить мне осталось совсем немного.

- Слушай и запоминай. А если что-то вякнешь без разрешения - останешься без языка. Ты жив только потому, что наш правитель подписал с вашим договор о мире. И еще потому, что пока ты здесь живешь, не был убит зверем и не пропал ни один человек. Но как только это случится, я приду за тобой. Сейчас я тебя отпущу. Можешь жить в долине или убираться прочь, но если ты сделаешь еще хоть один шаг на территорию фермы моей матери, я убью тебя, несмотря на все договоры в мире, освежую и шкуру приблю над кроватью. Понял меня, гадина?

- Я только...

- Заткнись! - пальцы еще сильнее сжались на моем горле. Я захрипел, пытаюсь втянуть в себя хоть глоток воздуха. А Охотник, отпустив меня, коротко замахнулся и всадил кулак мне в живот, выбивая остатки воздуха. Я упал и тут же получил еще несколько болезненных ударов ногой.

Охотник отступил на шаг и, полюбовавшись, как я корчусь на земле, закончил свою речь.

- Я теперь буду регулярно навещать тебя дома. Если я почувствую хотя бы отголосок твоего присутствия на моей земле, ты пожалеешь, что родился на свет. А теперь поднимайся и пошел вон!

Браслеты все еще оставались на моих руках. Я начал неуклюже вставать и, когда почти справился с заданием, получил новый пинок пониже поясицы. Не столько больно, сколько обидно. Упав обратно на землю я, неожиданно даже для себя, разревелся, как маленький.

- Зря стараешься. Слезами меня не разжалобить, тем более слезами такой твари, как ты. Браслеты сами спадут через час, а у тебя есть пять минут, чтобы убраться отсюда, иначе у меня будет новый коврик из чьей-то шкуры, - с этими словами охотник ушел, а я начал свой самый трудный путь домой.

Как я добрался домой, помню плохо. Сознание мутилось от боли в руках. Кажется, я катался по земле и выл от боли, или только собирался, не помню. Не знаю, когда браслеты спали, боль в поврежденных руках все равно не пропала. Раны нужно было обработать, но сил никаких не осталось. В какой-то момент я просто потерял сознание.

Пришел в себя от прохлады, разливающейся по поврежденным рукам. В окно пробивался слабый свет, то ли закатный, то ли рассветный. Я лежал дома в своей кровати, а рядом сидела матушка Талула и втирала пахнущую мятой мазь в мои поврежденные запястья. Поняв, кто сидит рядом, я дернулся, пытаюсь отстраниться, но она мягко меня удержала.

- Не бойся, Кармин. Дамиан ушел. Перед уходом он рассказал, что нашел в долине оборотня, как его выследил, и что приказал. Я пришла просить у тебя прощения за моего сына и принесла твою потерянную куртку.

- Не надо. Это я должен просить прощения за обман. Я все понимаю. Как только поправлюсь, сразу уйду, - мне было очень неловко перед этой доброй женщиной, относившейся ко мне, как к родному.

- Кармин. Я хочу попросить тебя остаться.

- Остаться? - я подумал, что ослышался.

- Да, - она закончила втирать мне мазь и села прямо, опустив ладони на колени. - Я хочу тебе рассказать, почему мой мальчик стал таким. Может, это поможет тебе все понять и хоть

немного простить его.

Матушка Талула тяжело вздохнула и начала рассказ:

- Это произошло почти двадцать лет назад. Дамиану тогда было пятнадцать, Милаве почти девятнадцать - невеста, а Кевина я носила под сердцем. Однажды летом мой муж, Дамиан и Воллор - жених Милавы, отправились перед рассветом на луга, чтобы накосить сена. Мой срок уже был близок, и я осталась дома со служанкой, а Милава упростила отца взять ее с ними. Не знаю точно, что там произошло, только Дамиан вернулся домой под вечер, весь в крови и сказал, что Воллор оказался оборотнем. Он убил Милаву и отца. У меня после этих слов начались схватки. Кевин родился чуть раньше срока. После родов я долго оставалась слаба, и Дамиану пришлось взять на себя все хлопоты по дому. Со временем я заметила, что из моего мальчика ушла всякая радость. Он стал хмурый и нелюдимым, а когда спустя несколько лет в долину заглянул Охотник на Нечисть, он собрался и ушел вместе с ним, несмотря на мои просьбы и слезы. Он сказал только, что не будет ему покоя, пока не изведет он последнего оборотня на человеческой земле. После его ухода мы не виделись больше шести лет, а когда однажды он вновь переступил порог отчего дома, я не узнала его. Мальчик, каким он был когда-то, превратился в убийцу с холодной душой и каменным сердцем.

- Мне очень жаль, матушка Талула.

- Мне тоже жаль. Жаль, что не смогла удержать его тогда. Я слишком сильно увлеклась своим горем и не увидела, что оно сломало моего мальчика. Поэтому я прошу тебя остаться. Твоя душа светлая, может, ты сможешь излечить Дамиана от ненависти.

- Но как? Он обещал меня убить, если только почует на своей земле мои следы. Я с ним просто не справлюсь.

- Ты просто будь собой, - матушка Талула немного помолчала и продолжила, - Останься, по крайней мере, пока я не умру. Мне недолго осталось. Старый Людвиг сказал, что я вряд ли увижу следующую зиму.

- Но... как?... э-э...

- У меня больное сердце. Никто об этом не знает, кроме нас с ним, а теперь и тебя. Я не говорю сыновьям. Не хочу их пугать. Помочь они мне все равно не смогут, а волноваться будут. Вчера, когда мы с тобой встретились, я шла с могилы моих родных. Они похоронены там же, где погибли, и я хочу упокоиться вместе с ними там. Завещание уже написано.

Мы сидели, молча глядя в окно. Солнце поднималось все выше, разгоняя ночные тени и заливая землю чуть красноватым светом.

- Будет ветер, - я просто не знал, что еще сказать.

- Ты останешься? Я буду присылать тебе каждый день кого-нибудь из девочек с молоком.

- Останусь, - я мысленно корил себя за глупость, но отказать этой женщине не мог. - За такую взятку, я готов на край света идти.

Матушка Талула улыбнулась и, наклонившись, поцеловала меня в лоб.

- Спасибо, сынок.

Матушка Талула умерла в тот день, когда выпал первый снег. Все лето мы общались с ней. Разговаривали, а когда ей стало тяжело ходить ко мне, мы стали встречаться на нейтральной территории. Поздней осенью Криния - вторая служанка - стала приходить вместо нее и приносить мне коротенькие письма и ждать, когда я напишу ответ. За прошедшее лето я узнал очень много об ее жизни и рассказал о своей. Я только скрыл от нее, в какое животное перевоплощаюсь, она решила, что я лис, а я не стал ее переубеждать. Мне было больно видеть, как быстро угасает эта сильная женщина. Жизнь буквально вытекала из нее, как вода сквозь пальцы.

В то утро я, выйдя из дома, увидел, что снег за ночь покрыл землю тонким покрывалом. Через пару часов он растаял, оставив после себя только мокрую землю. Криния опаздывала, а когда, наконец, появилась, я по заплаканным глазам понял, что Матушки Талулы не стало. Она протянула мне маленький клочок бумаги, на котором было всего два слова: «Спасибо. Прощай».

Хоронили матушку Талулу рядом с ее мужем и дочерью. На погребение собрался почти весь город. Все ее очень любили. Дамиана не было. Кевин сообщил мне, что письмо о смерти матери ему отправили, но точно где он, никто не знал, так что письмо доставили в столицу магистру Охотников. Как только Дамиан там появится, письмо передадут, но когда это будет, сказать не мог никто.

Как ни странно, узнав от Дамиана, что я оборотень, ни Кевин, ни девушки-служанки не изменили своего отношения ко мне. И еще они сохранили мою тайну, по просьбе матушки Талулы.

Много дней подряд я приходил на ее могилу, стоял в зверином образе рядом и разговаривал с ней мысленно. Просто пересказывал, как прошел прошлый день, так же, как делал это раньше. Потом снега начали засыпать землю регулярно, стало трудно пробираться на заснеженные горные луга, и я стал приходить раз в несколько дней. Сам не знаю, почему я ходил туда. Просто по-другому я не мог.

Сегодня кроме сильного снегопада ударил еще и мороз. За ночь снега намело очень много, кое-где мне было почти по грудь, и приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы проложить себе путь. Волчий вой все приближался.

Странно, что серые устроили охоту днем. Видно, совсем оголодали. Я даже не подумал прибавить шагу, ведь истинные звери прекрасно отличали своих собратьев от оборотней и никогда не нападали на нас. Многоголосая волчья переключка прозвучала слишком близко, чтобы не заметить ее. Я оглянулся. По моим следам шла стая из шести волков, и они находились от меня метрах в пятистах. Инстинкт сработал четко. Бежать! И я побежал. К сожалению, человеческого во мне все же больше, чем звериного. Зверь побежал бы в горы, козлу там оторваться от серых охотников было бы легче, а я припустил домой, как сделал бы любой человек. Свою ошибку я понял слишком поздно.

Волки настигали. Среди деревьев снега стало меньше, бежать было легче, но, к сожалению, не только мне. Волки радостно потягивали и взрыкивали, еще бы у них скоро будет сытный обед. Когда расстояние между нами сократилось до сотни метров, я понял, что уйти не удастся. Драться среди деревьев, где у волков было явное преимущество, - безумие. Значит, нужна поляна, где я смогу продать свою жизнь подороже. Справа замелькал просвет между деревьев, и я устремился туда.

Один из волков вырвался далеко вперед, и, когда я повернул, он решил, что это его шанс показать себя. Молодой, глупый зверь. Он бросился на задние ноги в попытке порвать сухожилия, но забыл, что там есть копыта. Я взбрыкнул и нанес удар. Есть! Серый покатился по снегу и остался лежать. Остальные зло взвыли, но погоня не прекратилась.

Полянка. Она небольшая, около пятнадцати метров, но вполне подходящая, чтобы не дать серым подобраться ко мне незаметно, пользуясь кустами или деревьями. Здесь я решил принять свой последний бой. Жалел я только об одном. Если боги одарили меня копытным зверем, то почему они не выбрали оленя? У того рога такие, что проткнуть врага можно, а с моих, закрученных назад, никакого толку. Ну, отброшу я волка, и что?

Серые выскочили на поляну и, видя серьезный настрой своей добычи, закружили вокруг меня, выбирая удобный момент для нападения. Один волк был явно крупнее своих собратьев, с седой мордой, видимо, вожак стаи, кинулся ко мне и тут же отскочил, уворачиваясь от моих копыт. Еще один явно молодой и горячий сунулся следом за вожаком, но отскочить уже не успел. Переднее копыто, попавшее точно в голову, не способствовало здоровью и долголетию. Осталось четверо. Снова кружение вокруг добычи, словно в хороводе. У меня в голове точно также закружились слова детской песенки: «Остались от козлика рожки да ножки». Если бы я сейчас был человеком, волки услышали бы истерическое хихиканье. А так тишину нарушали только наше натужное дыхание и тихое рычание кого-нибудь из серых охотников. У кого первого сдадут нервы? Кто ошибется первым, я или кто-то из них?

Вот еще один волк рванулся вперед. Я отпрыгнул с линии атаки, пропуская его мимо, и попытался достать копытом. Мимо. Верткий оказался, зараза. Из-за прыжка я сместился ближе к деревьям. Этим попытался воспользоваться ближайший серый. Он напал, метя в шею, но прыгнул слишком высоко. Я не мог упустить такой шанс. Наклонив голову, я принял зверя на рога (шея аж хрустнула от тяжести) и, сделав всего один скачок, впечатал серого прямо в дерево, оказавшееся за его спиной. Хруст костей и предсмертный крик хищника стали мне наградой. Осталось трое. К сожалению, долго радоваться мне не довелось.

Воспользовавшись тем, что я увлекся размазыванием волка об дерево и оставил незащищенным свой тыл, один из оставшихся хищников вцепился сзади в мою правую ногу. Я закричал и, ударив обеими задними ногами, отбросил прочь, но он приземлился на лапы и вновь присоединился к смертельному хороводу.

Оставшиеся трое волков чуяли кровь и были полны решимости получить намеченную добычу. К счастью сухожилия не задеты, стоять я могу, но повреждена мышца, и кровь течет очень обильно. Я начал слабеть. Новое нападение волки произвели практически синхронно. Первый напал слева, метя мне в бок. Я развернулся, пытаюсь достать его передними копытами, а в это время второй бросился на меня справа. Кажется, он хотел вцепиться в шею, но промазал, и его зубы впились мне в правое плечо. Я закричал от боли и отпрыгнул назад, но серый повис на мне, рыча и пытаюсь вырвать кусок моей плоти. Третий в это же время запрыгнул мне на спину и впился зубами в шею. Я мог сделать только одно: вцепившись в бок правого волка зубами, я оторвал его от себя, одновременно заваливаясь на левый бок и перекатываясь на спину, чтобы так прижать волка, оседлавшего меня. Но серый вожак, а это оказался именно он, был слишком опытен, чтобы дать себя так убить. Он успел отскочить в сторону. Я тоже вскочил на ноги, в горячке боя не замечая насколько серьезны мои раны. Волков по-прежнему трое. Они теперь никуда не торопились. Им можно просто присесть и подождать, пока я не свалюсь с ног от слабости, и можно приступать к трапезе. Двое из них продолжали кружить вокруг меня, а третий присел в снег, зализывая на боку кровавую рану от моих зубов.

Я чувствовал, как кровь вытекает из меня, а вместе с ней и жизнь. В глазах начало темнеть,

голова кружилась, но я старался следить за волками, чтобы не пропустить новое нападение. Вот оно. Старый вожак рванул вперед в новой попытке достать до горла. Я попытался ударить его передними ногами, чуть присев на задних, но почувствовал, что правая задняя меня не слушается. Вместо намеченного удара я просто завалился на бок. «Вот и конец», - мелькнула моя последняя мысль. Я ждал, что сейчас зубы хищника вопьются в мое горло, прерывая жизнь, но ничего не происходило. Подняв голову, я увидел вожака лежащего возле меня, а из его шеи торчал арбалетный болт. За ним на снегу бился еще один серый в предсмертных судорогах, а третий убегал, пытаясь скрыться от новой опасности. Не вышло. На очередном прыжке и его настигла смерть.

Я посмотрел в сторону, откуда пришло неожиданное спасение, и понял, что обрадовался рано. Под деревьями стоял Дамиан с арбалетом в руке.

- Привет, парень. Теперь мы квиты.

Я попытался встать, соображая, что он имел в виду. Наконец, понял - водопад. Увы, встать не получилось. Я раз за разом заваливался назад.

Дамиан тем временем подошел поближе, доставая из-за пазухи какой-то черный камень на цепочке.

- Это случайно не твой ли хозяин устроил охоту на тебя, а? - он подошел ближе, разглядел мои раны и присвистнул. - Да, парень. Тебя теперь легче дорезать, чем вылечить. Но сначала...

Дамиан принялся обходить всех волков и, прикладывая свой амулет к их кровавым ранам, что-то бормотал себе под нос. Я понял, что он проверял не оборотень ли кто-нибудь из них, а когда удостоверится, то займется мной. Я уже понял, что умру, но быть добитым и съеденным я не хотел.

«Пусть лучше так добьет, по крайней мере мучиться не буду», - с этой мыслью я, собрав последние силы, начал перевоплощаться в человека. Дамиан этого не видел. Он как раз направился к последнему волку, лежащему метрах в двадцати от места схватки. А вернувшись, вместо мяса нашел бы голого парня лежащего на снегу.

«Сюрприз!» - это была моя последняя мысль. Дальше ничего.

Глава 7

Очень хотелось пить. Нужно встать и напиться. Только глаза открою и встану. Открыть глаза оказалось невероятно трудно, на веках словно тяжесть лежала. Я застонал от бессилия. Тело тоже не желало подчиняться, я его просто не чувствовал.

«Я, наверное, болен». Мысли кружились в голове, не давая сосредоточиться на какой-нибудь одной. Вдруг чьи-то руки приподняли меня, и в губы уперся край глиняной чашки. Я сделал глоток, потом еще и еще. Когда я напился, руки уложили меня обратно, промокнув мягкой тканью ту воду, что пролилась мимо, попав мне на шею. Так делала только мама, но это было так давно. Я вспомнил, как мама уходила от меня, не оглядываясь. Ей не нужен был такой сын. Из-под век побежали мокрые дорожки.

Мягкая ткань вернулась. Она промокнула мои слезы, а потом я почувствовал, как рядом лег кто-то. Он обнял меня, прижал к себе и погладил по голове. Никто так никогда не делал. Даже мама не утешала меня, если я плакал. Они с отцом всегда говорили, что я мужчина и должен

сам разбираться со своими проблемами, а не лить слезы. А руки продолжали гладить меня, принося покой и тепло.

- Ш-ш-ш. Все будет хорошо, - голос звучал очень тихо и был смутно знаком. - Спи, - сильные, и такие надежные руки обняли меня, оберегая покой, и я погрузился в сон с мыслью, что завтра посмотрю, кто это.

Меня разбудила хлопнувшая дверь. Осторожно открыв глаза, я огляделся. Моя комната была залита дневным светом. Тепло, печь явно топилась. Посторонних нет. Только чья-то одежда свалена на сундуке с моими вещами. Я попытался приподняться, но правые плечо и нога ответили на это болью. На них были наложены тугие повязки. Еще ныла шея, но не так остро. Дверь заскрипела, открываясь, и на пороге появился...

- Дамиан! - я моментально вспомнил все, что произошло вчера, или ... когда?

- Сколько я?..

- Пять дней, - Охотник сбросил возле печки принесенные дрова.

- Почему?..

- Сам не знаю. Сначала хотел добить, даже нож достал. Потом ушел. Почти дошел до дома и вернулся. Вспомнил, как мать просила поговорить с тобой. Это была ее последняя просьба.

- О чем поговорить?

- Ни о чем. Просто сесть рядом с тобой и поговорить, - Дамиан принес табурет, поставил его рядом с кроватью, сел. - Вот. Я сел и говорю.

Я потрясенно молчал, пытаюсь привести мысли в порядок, потому что у меня было ощущение, словно я сошел с ума. Охотник не просто не добил меня там в лесу, он принес меня домой и лечил. Дамиан тоже молчал. Лицо его было нахмурено, и вся поза выражала напряжение.

- Какая погода на улице? - если матушка Талула просила, то я обязательно выполню эту просьбу, несмотря на возможные неприятные последствия, но надо же с чего-то начать.

- Издеваешься? - он недобро прищурился.

- Нет. Просто не знаю, о чем еще можно поговорить.

- Можно о том, как ты всех дурил. И в каких зверей еще оборотни способны обращаться? Боюсь, скоро придется открыть охоту на зайцев.

- Не придется, - я вздохнул и попытался улечься поудобнее. Дамиан тут же мне помог, подняв подушку повыше, а потом отпрянул, словно вспомнив, что имеет дело с "тварью".

- Из всех оборотней только я ненормальный, - я недолго помолчал, выискивая тему для разговора. - Раны не болят. Чем мазал?

- Нашел у тебя мазь с живицей. К тому же у нас есть эликсир, способствующий скорейшему заживлению ран.

- Спасибо.

- Сочтемся.

- Как брат?

- Жениться собрался весной.

- Рад за него.

- Я тоже.

Снова повисла гнетущая тишина. О чем можно говорить с врагом? Спрашивать, не думает ли он тебя убить - глупо, учитывая, что он меня спас и вылечил. Можно, правда, спросить по-другому.

- И что дальше?

- Не знаю. А что?

Ответить я не успел, это за меня сделал мой желудок. Еще бы, пять дней не кушать. Услышав мое голодное урчание, Дамиан встал и наложил мне каши, достав чугунок из печки.

- С молоком. Ты, кажется, любишь? - он подал мне тарелку и ложку.

- Спасибо. Очень вкусно, - договаривал я уже с набитым ртом.

Каша действительно была очень вкусная. Я даже тарелку вылизал. Охотник видя, что я могу есть сам, вышел куда-то. Его возвращения я уже не дождался, так и уснул с пустой тарелкой на груди и ложкой в руке.

В следующий раз я проснулся от света, бившего мне в глаза. Память на этот раз проснулась вместе со мной, и я оглянулся в поисках моего врага-спасителя, но его нигде не было. Его вещей тоже не наблюдалось. Рядом с кроватью стояла табуретка, на которой он сидел, а на ней стоял кувшин и чашка. Я принялся - молоко.

Движения не отзывались больше болью, так, ныло слегка и все, так что я сразу набросился на угощение. Когда я хотел поставить кувшин обратно, увидел листок бумаги, лежавший раньше под ним. На нем было одно предложение: «Дальше без меня». Мне стало легче, когда угроза, нависавшая надо мной в присутствии моего врага, ушла, но в то же время было как-то грустно.

Чтобы отвлечься, я снял повязки и оглядел раны. Почти все зажило. Одна мазь с живицей не могла так хорошо справиться за такое короткое время, значит, это эликсир Охотника помог. Сейчас на теле виднелись только свежезажившие шрамы от зубов, а кое-где даже стежки, особо глубокие раны явно зашивались. Милость, проявленная ко мне Охотником, была не понятна. Ну, пожалел, не добил, но лечить, кормить, ухаживать за бесчувственным телом... Нет, не могу я его понять. Хотя... он мог сделать это ради своей матери, если он очень любил ее или чувствовал свою вину по отношению к ней. Дамиан же говорил, что это была ее последняя просьба. Решив, что секрет разгадан, я успокоился. Только вот весной все равно придется искать себе новое жилье, а то приедет на свадьбу брата и снова начнет выживать из долины.

- Лучше я сам уйду.

Прошло три месяца.

Как и год назад, я стоял на скале, козырьком нависшей над моим домом в долине. Сегодня у Кевина свадьба. Меня тоже приглашали, но я, поздравив новобрачных нехитрым подарком, идти отказался. Если там появится Дамиан, скандала не миновать.

Дамиан. Прошло три месяца, но я никак не мог выбросить его из головы и из снов. Он приходил ко мне почти каждую ночь и делал то, что в реальной жизни между нами происходить никак не могло. Он любил меня. Любил руками и губами, говорил мне красивые слова и как он меня... Впрочем, это только сны. Среди оборотней такая любовь не считалась чем-то неестественным, в отличие от людей. Мы знали, что телу иногда нужна разрядка на охоте или на войне, где самкам не место. У волков и лесных кошек такой акт любви вообще показатель доминирования вожака над стаей. У меня мужчины никогда не было, но это не значит, что я не знаю и не понимаю, о чем идет речь. Мой учитель в свое время позаботился о моем всестороннем образовании.

Я знаю, что у людей однополая любовь считается грехом и никогда бы не осмелился предложить такое человеку, тем более Охотнику. Я просто хотел посмотреть на него в последний раз. Все самое необходимое для путешествия было собрано в маленькую котомку и ждало своего часа в доме. Я же решил вечером подкрасться к ферме и посмотреть в окна, может, увижу его. А потом, прихватив свои вещи, уйду. Вскоре я увидел возвращающихся из города молодоженов и их гостей в разукрашенных повозках. Расстояние было слишком большое, чтобы понять там ли ОН. Все зашли в дом и я, тряхнув рогатой головой, чтобы отогнать грустные мысли, начал спускаться. Сначала домой.

«Проверю в последний раз, все ли собрал, чтобы потом не задерживаться».

Я был в нескольких метрах от дома, когда сзади раздался вопрос:

- Козлик, хочешь, я тебя подстригу?

От неожиданности я аж подпрыгнул. Обернулся, боясь, что мне померещился этот голос. Нет, не померещилось. Он стоял под деревьями позади меня заросший и какой-то осунувшийся, словно после болезни и... улыбался. Я никогда не видел, как он улыбается. Видел, как смеется, но в глазах при этом смеха не отражалось, а теперь его глаза лучились теплом, словно... словно он был рад меня видеть. Пока я пытался осмыслить происходящее, Дамиан медленно подошел ко мне. Наши глаза встретились, и все вокруг замерло.

Очнулся я оттого, что он подхватил меня на руки и впился поцелуем в губы. Не знаю, когда я успел перекинуться в человека, но обняв его за шею, понял, что сейчас все мои мечты и сны сбудутся. Это такое счастье, когда рядом находится тот, кому ты нужен.

Глава 8

Дамиан не давал мне уснуть почти до утра. Он был одновременно нежным и напористым, внимательным и эгоистичным, ласковым и жестоким. Не знаю, как в нем все это сочеталось. Когда его руки или губы касались меня, я просто переставал соображать. Существовало только мое тело и удовольствие. Море удовольствия.

Проснулся я, лежа практически на моем любимом охотнике, обхватив его рукой и закинув на него ногу, словно пытаюсь удержать его рядом, пока я сплю.

- Не сон, - я потерся щекой о его плечо.

- Конечно, нет, - он обхватил меня руками, крепче прижав к себе. - Я сбежал тогда от тебя, чтобы подумать. Ты пробуждал во мне слишком сильные чувства. Мне было больно.

- Прости.

- Нет. Мне нечего тебе прощать. Это я должен просить прощения, за то, что перенес на вас мою ненависть.

- На нас?

- На оборотней. А когда я понял, что моим сердцем может завладеть один из этого народа... Я просто сбежал, - он потерся о мою макушку подбородком, а потом поцеловал меня туда. - Я должен тебе рассказать о том, как погибли отец и сестра.

- Не надо. Твоя мама рассказала мне все.

- Не все, - он тяжело вздохнул. - Всего, кроме меня, никто не знает.

Дамиан немного помолчал и начал рассказ:

- Мне было пятнадцать. Как любой мальчишка в этом возрасте, я мечтал о подвигах и сражениях. Я быстро подружился с женихом Милавы - Воллором, и однажды он подарил мне кинжал с резной рукояткой. Это был первоклассный клинок, мне не терпелось его опробовать в деле. Рано утром, никому не сказав ни слова, я отправился за приключениями. Пробродил в горах до обеда, проголодался и уже хотел идти домой, когда приключения сами нашли меня. На меня из-за кустов выскочила лиса. У нее изо рта текла слюна. Я мгновенно понял, что зверь бешенный, и кое-как успел забраться на дерево. Просидел я там до темноты. Все это время лиса караулила меня внизу. Она то бегала вокруг дерева, то начинала в бешенстве кидаться на него и грызть кору, словно хотела свалить мое убежище на землю, чтобы добраться до меня. Когда сумерки уже опустились на землю, на поляну выскочил волк. Он сначала замер, глядя на лису, потом посмотрел на меня и кинулся в бой. Звери сцепились и так клубком катались по поляне некоторое время, пока, наконец, лиса не замерла. Волк поднялся, посмотрел на меня, и я увидел, что у него разорвано левое ухо. Потом зверь убежал. Я еще немного посидел на дереве и, убедившись, что кругом все тихо, слез и пошел домой. Дома мне попало за то, что шлялся весь день неизвестно где, но про свое приключение так никому и не рассказал. Через три дня мы отправились на сенокос. Я, отец, Воллор и Милава. Проработали мы несколько часов, когда жениху моей сестры вдруг стало плохо. Он упал на землю и начал биться в конвульсиях. Милава подбежала к нему, обняла и прижала к себе, а он вдруг как-то засветился и начал изменяться. Вскоре Милава держала в руках огромного волка. Отец был далеко. Увидев, что что-то случилось, он бросился к нам, но опоздал. Волк вцепился Милавае в горло, и, прежде чем я смог понять, что можно сделать, она была мертва. Подбежавший отец вонзил в бок волка косяк, но он наверно побоялся задеть дочь и только ранил зверя. Волк, оставив сестру, бросился на отца. Он поднырнул под занесенной косой, повалил его и вцепился отцу в горло. Тут я, наконец, очнулся. Выхватил кинжал, подаренный мне Воллором, и принялся наносить удары. Я словно обезумел, искромсал ему весь бок, но никого спасти мне уже не удалось. Отец умер у меня на руках, истекая кровью.

- Это ужасно.

- Самое ужасное не это. У Воллора - волка - оказалось повреждено левое ухо. Это я их всех убил. Я возненавидел всех оборотней потому, что хотел переложить свою вину на других, и мне это долгое время удавалось. Я истреблял всех, кого только мог найти. Мужчины, женщины, мне было все равно. Я истреблял убийц, потому что сам был убийцей.

- Нет, - я закрыл ладонью рот Дамиану, не давая ему говорить. - Ты не убийца. Ты не знал. Воллор не был юным оборотнем. Он знал, как опасны для нас раны, нанесенные бешеным зверем, тем более раны в голову. Ты виноват лишь в юношеском неблагоразумии, а остальное судьба. С ней надо смириться, если не можешь ничего исправить. Просто прими это, и прости их, за то, что остался один.

Когда я закончил говорить, Дамиан плакал. Я начал целовать его, чтобы утешить, а дальше... Дальше нас прервал Кевин, принесший угощения, оставшиеся со свадебного пира, чтобы мы не умерли от голода. Так у нас начался свой пир. Потом совместная ванна (оказывается, при должной сноровке моя лохань не такая уж и маленькая) и сон.

Я засыпал счастливым, зная, что когда я проснусь, мой Охотник все еще будет со мной. И завтра, и послезавтра, и после-после... А там... Кто его знает, что будет дальше. Я знаю только одно. Я нашел свой путь, и заставить меня свернуть с него не сможет никакая сила. А если кто осмелится встать на моем пути, у меня есть рога и копыта, которыми я смогу отстоять мое счастье.

КОНЕЦ.

СЛОВАРЬ

Кернос - бог, покровитель животных, охоты и оборотней. Изображается как мужчина с волчьей головой.

Лиэли - богиня весны и урожая. Покровительница рожениц, детей, пахарей и фермеров. Изображается женщиной с двумя ликами, молодой девушки и зрелой женщины.